

Вяч. В. ИВАНОВ

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВ CENTUM И SATĚM

Уточнение некоторых вопросов, касающихся развития индоевропейских «гutturальных» фонем, оказывается в настоящее время возможным, с одной стороны, благодаря исследованию неизвестных или недостаточно изученных ранее языков (анатолийских, кафирских и др.), с другой стороны, благодаря применению современных методов фонологии и лингвистической географии.

1. С фонологической точки зрения различие между диалектами типа centum и диалектами типа satem следует понимать как различие между такими индоевропейскими диалектами, где заднеязычным фонемам были противопоставлены лабиовелярные, и такими индоевропейскими диалектами, где заднеязычным были противопоставлены палатальные фонемы. Поэтому традиционное понимание языков centum с фонологической точки зрения является удовлетворительным, тогда как часто встречающиеся определения языков satem, как таких языков, где палатальные превращаются в спиранты или аффрикаты (или в свистящие и шипящие), следует признать совершенно неудовлетворительными. Эти традиционные определения подменяют фонологическую причину явления его фонетическим следствием. Совершенно очевидно, что в диалектах типа satem первоначально фонологически существенным было противопоставление велярных и палатальных фонем; фонетические средства, при помощи которых осуществлялась дифференциация этих фонем в отдельных диалектах, с фонологической точки зрения имеют второстепенное значение и становятся существенными лишь тогда, когда благодаря спирализации палатальных изменяются соотношения между фонемами (см. ниже о соотношении между ассимиляцией и изменением *s*). Этот вывод можно подтвердить типологическими сопоставлениями с языками, где существование фонологического противопоставления велярных и палатальных предшествовало позднему фонетическому изменению палатальных. Это имело место, например, в древнеанглийском языке¹, славянских языках² и т. п.

На необходимость фонологического уточнения традиционной характеристики языков satem обратил внимание в своей последней монографии Е. Курилович, показавший, что более древнее (общиндоевропейское) явление палатализации не следует смешивать с ассимиляцией, по-разному протекавшей в разных индоевропейских диалектах³. Однако Е. Курило-

¹ Ср. А. И. Смирницкий, Вопросы фонологии в истории английского языка, «Вестник МГУ», 1946, № 2, стр. 87—88.

² См. R. Jakobson, Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves, в Travaux du Cercle linguistique de Prague, 2, Prague, 1929, стр. 19 и 31—32; Н. В. Вейс, К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода, «Slavia», ročn. XIX, seš. 3—4, 1950, стр. 308—309; ср. F. Mareš, Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty, «Slavia», ročn. XXV, seš. 4, 1956, стр. 477.

³ J. Kurylowicz, L'apophonie en indo-européen, Wrocław, 1956, стр. 371—372.

вич ограничился приведением чисто фонологических доводов в пользу этой точки зрения. Между тем она может быть подтверждена и анализом данных отдельных диалектов, на что впервые обратил внимание В. Пизани¹. Но в работах Пизани, во-первых, использованы далеко не все данные, которые можно привести в настоящее время благодаря открытию ранее неизвестных фактов, во-вторых, отсутствует фонологическая интерпретация рассматриваемых явлений.

Здесь, как и во многих других случаях, оказывается необходимым объединение методов и результатов двух направлений современной индоевропеистики, до сих пор развивающихся независимо друг от друга: структурного, которое устанавливает относительную хронологию истории индоевропейских диалектов путем применения методов современного структурного описания языковой системы, и географического, основывающегося прежде всего на исследовании пространственных соотношений. Лишь сочетание этих методов и привлечение вновь открытых фактов может позволить воссоздать реальную картину развития индоевропейских диалектов в пространстве и времени (а не вне пространства и вне времени, как исследовался праязык в младограмматической индоевропеистике).

2. Для доказательства того, что диалекты *satəm* характеризуются фонологическим противопоставлением велярных и палатальных (а не однотипным фонетическим изменением палатальных в сибиланты), чрезвычайно важно, что для отдельных диалектов *satəm* оказывается возможным реконструировать смычные палатальные как продолжение индоевропейских палатальных. В этом отношении особенно существенны данные арийских (индо-иранских) языков.

Уже давно Меллер и Пизани предположили, что отражение палатальных в виде *ḡ* и *d* в древнеперсидском (ср. др.-перс. *ḡiga* «сильный» при авест. *sura-*, др.-перс. *adam* «я» при авест. *azət* и т. п.) позволяет реконструировать общиранские смычные как продолжение индоевропейских палатальных². Эта точка зрения оказалась вероятной и для всех арийских диалектов в целом, как показали замечательные исследования Г. Моргенштерне по кафирским языкам.

Носители кафирских языков, принадлежащих к числу индо-иранских языков, обитают в крайне труднодоступных горных районах Афганистана. Географическое положение Кафиристана объясняет, почему кафиры были в значительной степени изолированы от своих ираноязычных соседей — мусульман. С этим связано и сохранение древних обычаев и древней религии жителями области, названной мусульманами Кафиристаном — «страной неверных»³. Географические, культурно-исторические и социальные особенности Кафиристана делают очень вероятной гипотезу Моргенштерне о том, что в языках кафиров могли сохраниться некоторые весьма древние черты. Архаичность кафирских языков особенно отчетливо проявляется в отражении палатальных фонем. Фонема, которая для индоевропейских языков *satəm* реконструируется в виде **ḡ*, отражается в кафирских языках как *ḡ* (в отличие от близких к кафирским индоарийских

¹ См. литературу, указанную в обзоре В. П и з а н и! «Общее и индоевропейское языкознание», сб. «Общее и индоевропейское языкознание (обзор литературы)», перевод с нем., М., 1956, стр. 137.

² V. P i s a n i, *Studi sulla preistoria delle lingue indoeuropee*, Roma, 1933, стр. 559

³ О быте, обычаях и религии кафиров наглядное представление дают предметы материальной культуры, привезенные из экспедиций Г. Моргенштерне и хранящиеся в Этнографическом музее в Осло. Пользуясь случаем принести благодарность профессору Г. Моргенштерне за любезно сообщенные им сведения о кафирах и их языках.

языков, где * $\tilde{k}$ отражается как $\dot{s}$ ¹, и в отличие от авестийского s и древнеперсидского $\mathfrak{s}$; ср. в кафирском языке вайгали $\dot{s}\dot{y}$ «собака», др.-индийск. $\dot{s}(u)\dot{v}\dot{a}$, авест. $sp\dot{a}$, род. падеж $\dot{s}\dot{y}\dot{n}\dot{o}$. Фонема * $\tilde{g}$ отражается в кафирских языках как z (в отличие от индо-арийских, где $\dot{g}$, отражается как j); ср. вайгали $\dot{z}\dot{a}$ «колена», др.-индийск. $j\dot{a}n\dot{u}$, авест. $\dot{z}\dot{a}n\dot{u}$. Фонема * $\tilde{g}^h$ отражается в кафирских языках как z , тогда как в древнеиндийском она отражается как h ; ср. вайгали $\dot{z}\dot{o}$ «сердце», др.-индийск. $h\dot{r}\dot{d}$, авест. $\dot{z}\dot{a}r\dot{a}d$. Соответствия между разными индо-иранскими диалектами могут быть представлены следующим образом (см. таблицу:

Реконструированная фонема	Древнеиндийский	Кафирский	Авестийский	Древнеперсидский
* $\tilde{k}$	$\dot{s}$	c	s	(s), $\mathfrak{s}$
* $\tilde{g}$	j	z	z	(z), $\dot{d}$
* $\tilde{g}^h$	h	z	z	(z), $\dot{d}$

На основании отражения * $\tilde{g}$ и * $\tilde{g}^h$ можно было бы говорить о большей близости кафирского к авестийскому, тем более что для этих диалектов общим является не только фонетический результат развития, но и фонологическое совпадение рефлексов * $\tilde{g}$ и * $\tilde{g}^h$, которые в древнеиндийском различаются (в то же время в древнеиндийском совпали в одной фонеме h рефлексы * $\tilde{g}^h$ и * $g(w)h$ перед гласным переднего ряда, тогда как в кафирском и авестийском эти рефлексы различны; ср. др.-индийск. $hanti$, кафирск. вайгали $j\dot{a}\dot{a}$ «убивать», авест. $j\dot{a}n\dot{t}\dot{i}$ «он убивает»). Однако не следует преувеличивать значения фонетической близости результатов развития звонкого и звонкого придыхательного палатальных в авестийском и кафирском. Авестийское развитие ни в коей мере нельзя считать общеиранским, так как древнеперсидский и ряд позднейших близких к нему иранских диалектов² указывает на возможность реконструкции общеиранских палатальных фонем, не являвшихся еще спирантами. В отражении глухой палатальной фонемы факты кафирских языков, где засвидетельствована глухая аффриката, согласуются с данными древнеперсидского языка. Поэтому существование рядом с глухой аффрикатой с звонкого спиранта z в кафирских языках следует объяснить изменением звонкой аффрикаты уже на протяжении истории самих кафирских языков, что подтверждается параллельным рефлексом * $\tilde{g} > j$ в некоторых кафирских языках (в авестийском и других иранских диалектах, следовательно, с общефонетической закономерностью, согласно которой спирантизация звонкого смычного или звонкой аффрикаты осу-

¹ Случай, где * $\tilde{k}$ в кафирских языках отражается как $\dot{s}$, Morgenstierne объясняет заимствованием из индо-арийского. Например, слово $\dot{d}\dot{o}\dot{s}$ «десять» в кафирском языке вайгали признается индо-арийским заимствованием (ср. др.-индийск. $\dot{d}\dot{a}\dot{s}\dot{a}$ «десять»). См. G. Morgenstierne, The Waigali language, «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», bd. XVII, Oslo, 1954, стр. 162 и сл. (из указанного исследования взяты и другие приводимые ниже примеры из языка вайгали). Однако нельзя считать полностью исключенной и возможность двойного отражения палатальных (как в ряде других индоевропейских диалектов $\dot{s}\dot{a}t\dot{e}m$), хотя против этого говорят такие формы, как $\dot{d}\dot{u}\dot{c}$ «десять» в кафирском языке кати ($\dot{s}\dot{c}$, а не $\dot{s}$) и т. п. Подробный анализ данных кафирских языков, относящихся к проблеме палатальных, содержится в статье G. Morgenstierne, Indo-European k' in Kafir, «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», bd. XIII, Oslo, 1945.

² Ср. P. Tedesko, Dialektologie der Westiranischen Turfantexte, «Le monde oriental», vol. XV, fasc. 4—3, Uppsala, 1921, стр. 189 (Тедеско принимал традиционный тезис о первоначальности авестийского состояния).

существляется раньше, чем спирализация парной глухой фонемы¹. Следовательно, на основании данных древнеперсидского и некоторых близких к нему иранских диалектов, с одной стороны, и на основании данных кафирских языков, с другой, можно предположить, что в общеарийский период палатальные фонемы отражались в виде среднеязычных смычных. Этот вывод, как показал безвременно погибший талантливый польский индоевропеист З. Рысевич, может быть подтвержден тем, что в исходе древнеиндийских слов, кончающихся на древний палатальный, появляется *-tʰ*.

Таким образом, данные указанных выше арийских языков позволяют считать, что общеарийским отражением индоевропейских палатальных были смычные фонемы, развившиеся в спиранты и аффрикаты уже на протяжении истории отдельных арийских диалектов. В. Пизани считал, что подтверждением поздней даты ассимиляции палатальных в арийских диалектах являются относительно поздние заимствования, подобные древнеиндийскому *paraśu* «топор». Эта гипотеза может быть подтверждена сопоставлением с осетинским *færgæt* «топор» и заимствованным из арийских языков «тохарским А» *porat-* и «тохарским Б» *peret*. В этом осетинском заимствовании и в «тохарском» термине можно видеть отражение периода, когда в арийских диалектах это заимствованное слово произносилось не со спирантом (как в древнеиндийском *paraśu-* и язгулямском *paršš*), а со смычным, который являлся продолжением более древнего палатального⁴.

¹ Е. Д. Поливанов, Краткая классификация грузинских согласных, «Бюллетень Средне-Азиатского ун-та», вып. 8, Ташкент, 1925, стр. 116 (ср. Вяч. Вс. Иванов, Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова, ВЯ, 1957, № 3, стр. 61 и 72); N. van Wijk, Quelques remarques sur les mi-occlusives devenant fricatives, «Acta linguistica», vol. II, fasc. 1, 1940—1941. Этой общefonетической закономерностью можно объяснить и различие между хеттской аффриктой *z* из **tʰ* и спирантом *š* из **dʰ*, которое еще Педерсен сравнил с результатами славянской палатализации (см. J. Kurylowicz, Le hitite, «Reports for the Eight International Congress of linguists», vol. II, Oslo, 1957, стр. 294).

² Z. Rysiewicz, Zagadnienie palatalnych w językach dardyjskich, «Studia językoznawcze», Wrocław, 1956, стр. 285—292 (с историей вопроса и библиографией). Ср. интерпретацию конечного *-t* в работах Е. Куриловича: J. Kurylowicz, L'apophonie en indo-européen, стр. 373; е го же, Indoiranica, «Comptes rendus de la Société des sciences et des lettres de Wrocław», vol. 3, 1948, année III», Wrocław, 1953, Communication № 1, стр. 5 (где признается, что группа *tš* **ks* является общеарийской, хотя из этого не делается выводов, подобных утверждениям З. Рысевича). Работы Рысевича и Куриловича показывают, что развитие группы **ks* в индо-иранском не противоречит гипотезе Моргенштерна.

³ В. Пизани, Общее и индоевропейское языкознание, стр. 137. Утверждение Пизани о том, что это заимствование бесспорно восходит к средиземноморскому субстрату, нуждается в уточнении: см. Вяч. Вс. Иванов, Новая литература о диалектном членении общиндоевропейского языка, ВЯ, 1956, № 2, стр. 115—116 (приведенные в названной статье данные еще не были учтены в специальной монографии: W. Wüst, Idg. pelekü- «Axt. Beil»: eine paläo-linguistische Studie, Helsinki, 1956; относительно сопоставления с греческим крито-микенским *pe-re-ke-ue* см. также О. Szeemerényi, The Greek nouns in -eus, «MNHMН ХАРИН. Gedenkschrift P. Kretschmer», II, Wien, 1957, стр. 162).

⁴ Поэтому представляется, что это слово в осетинском не обязательно должно быть заимствованным из древнеперсидского, как полагает В. И. Абаев (Древнеперсидские элементы в осетинском языке, «Иранские языки», 1, М.—Л. 1945, стр. 8—9; е го же, Осетинский язык и фольклор, М.—Л., 1949, стр. 139—140). Характерно, что в древнеперсидских памятниках это слово не засвидетельствовано. Поэтому его можно считать словом какого-либо архаичного иранского диалекта, сохранявшего древний характер арийских палатальных (но не обязательно именно из того диалекта, который развился в древнеперсидский язык). Ср. сходную точку зрения, излагаемую в работе: H. W. Bailey, A problem of the Indo-Iranian vocabulary, «Rocznik orientalistyczny», t. XXI, 1957, стр. 68—69 (и примеч. 53). Пользуясь случаем привести благодарность В. И. Абаеву за ценные замечания, высказанные им при обсуждении настоящей работы на заседании кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ.

В настоящее время можно думать, что арийские собственные имена и глоссы в переднеазиатских текстах II тысячелетия до н. э. являются заимствованиями из месопотамского арийского диалекта¹ (а не из индоарийского, как полагали ранее многие ученые). Поэтому значительный интерес для определения абсолютной хронологии фонетического развития арийских фонем, восходящих к палатальным, могло бы представить исследование клинописной передачи этих фонем. Они обычно передаются посредством клинописных знаков, изображающих *z*; ср. клинописное *ra-an-za-* в книге о коневодстве Киккули, соответствующее др.-индийск. *райса-* «пять», иранск. *ranž-, ranč-, ranz-*², клинописное *Mat-ti-u-a-za* (арийское собственное имя, вторая часть которого соответствует др.-индийск. *vāja* «сила победы») и т. п. Если бы эти имена встречались только в хеттской клинописи, можно было бы предположить, что *z* (в хеттском аффриката) передает арийскую аффрикату, но это допущение наталкивается на трудности, связанные с тем, что аналогичную передачу арийских рефлексов палатальных Кронассер предполагает и в аккадских клинописных памятниках³ (в аккадском *z* является сипрантом, а не аффрикатой).

Отражение палатальных фонем в качестве смычных, которое можно реконструировать для арийских диалектов, хорошо согласуется с фактами, обнаруживаемыми в других языках *satəm*. Пизани еще в 1933 г. сопоставил с древнеперсидскими фактами данные албанского языка, где индоевропейское **gh* перед гласными переднего ряда дает *dh*⁴. Ввиду того, что албанский язык в настоящее время все чаще сопоставляется с фракийским⁵, а не с иллирийским, необходимо подчеркнуть, что и для фракийского языка установлено двойное отражение индоевропейских палатальных, аналогичное их отражению в древнеперсидском⁶. Такое же двойное отраже-

¹ Для доказательства этого положения, высказанного в последнее время А. Камменхубер (A. Kammenhuber, Zu den hethitischen Pferdertexten, «Forschungen und Fortschritte», 28 Jg., Hf. 4, Berlin, 1954), особенно важно последнее открытие Бейли (см. H. W. Bailey, указ. соч., стр. 64). Бейли показал, что месопотамский арийский коневодческий термин *qartana-* «поворот (круг), на котором тренируют лошадей», не имеющий точного семантического соответствия в индоарийском, близко родствен осетинскому *журжурды* «тренировать лошадь» (см. В. Ф. Миллер, Осетинско-русско-немецкий словарь, под ред. и с доп. А. А. Фреймана, т. I, Л., 1927, стр. 233). Это соответствие приобретает особое значение потому, что с исторической точки зрения вполне вероятны связи скифских коневодческих племен с другими арийскими коневодческими племенами, пришедшими в Переднюю Азию, по-видимому, через Кавказ из Северного Причерноморья. В этом отношении очень важна гипотеза Бенвениста об отражении в осетинском (скифском) специального коневодческого значения корня, в других арийских языках не имеющего этого значения (см. об осетинском *домын* «укрощать»: E. Benveniste, Homophonies radicales en indo-européen, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 51, fasc. 1, 1955). Вместе с тем эти данные хорошо согласуются с другими открытиями в последнее время фактами, которые свидетельствуют об особом положении осетинского и скифского языков среди других иранских (и в целом арийских) диалектов; см. E. Benveniste, Notes avestiques, «Asiatica. Festschrift Friedrich Weller», Leipzig, 1954 (по поводу осетинск. диалект. *инсѣл*; ср. о скифск. *Ἰσάχρυς* в книге: L. Zgusta, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, стр. 100); егип. же, Études sur la phonétique et l'étymologie de l'ossète, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 52 (1956), fasc. 1, 1957; егип. же, Analyse d'un vocable primaire, там же.

² См. о диалектных иранских формах P. Tedesco, указ. соч., стр. 191 и сл.

³ См. об этой проблеме H. Kronasser, Indisches in den Nuzi-Texten, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. 53, Hf. 3 und 4, Wien, 1957, стр. 187 (по поводу сопоставления клинописного *zi-ir-ra-* с ведическим *jīra* «быстрый»).

⁴ V. Pisani, указ. соч., стр. 559 и сл.

⁵ См. в особенности H. Barić, Poreklo Arbanasa u svetlu jezika, «Lingvističke studije», Sarajevo, 1954.

⁶ См.: Д. Дечев, Характеристика на тракийският език, София, 1952, стр. 13 и 56; V. Pisani, Thrakisches, «Zeitschr. für vergleichende Sprachforschung auf dem

ние палатальных предполагается в другом древнем индоевропейском языке Балканского полуострова — «догреческом» или пелазгском¹. Менее ясными являются данные «тохарских» языков. Но принимаемое Эванджелисти развитие индоевропейского **gh* в *ts* перед гласными переднего ряда позволило бы предположить, что и в «тохарских» языках **gh* давало в этом положении **dh* (как в албанском), потому что в «тохарском» *ts* совпали индоевропейские фонемы **dh* и **ǵʰ* (в указанном положении)². Не во всех указанных случаях тождество фонетического развития свидетельствует о географических связях между языками. Приведенные факты с достаточной определенностью позволяют сделать вывод, что для диалектов типа *satəm* исходным было состояние, в котором палатальные еще не ассимилировались. Именно поэтому отражение такого состояния (например, в кафирском) следует рассматривать как архаизм, а не как нововведение. В отличие от общих нововведений общие архаизмы не являются веским аргументом в пользу наличия диалектных связей³.

3. Если данные диалектов *satəm*, сохраняющих древнее отражение палатальных до ассимиляции, существенны для реконструкции древнейшего состояния, но не для установления диалектных связей, то данные диалектов, осуществляющих ассимиляцию палатальных, наоборот, имеют значение для лингвистической географии, но не для реконструкции древнейшего состояния. Исследование диалектов, в которых палатальные превращаются в спиранты, позволило Мейе уже в первой его работе о членении индоевропейской языковой области установить, что диалекты, в которых осуществляется это развитие, в то же время являются диалектами, где индоевропейское **s* изменяется в *š*⁴. Значение этого открытия очень велико, так как совпадение двух этих изоглосс позволяет исследовать данное явление методами структурной диалектологии, учитывающей не только единичные связи диалектов, но и структурные черты, их объединяющие. Фонологический анализ этих явлений был в недавнее время произведен А. Мартине⁵ и Е. Куриловичем⁶. Результаты исследований этих ученых доказывают, что в диалектах индо-иранской и балтийско-славянской языковых областей ассимиляция палатальных была связана с тем, что палатальный в определенных позициях был отождествлен с *s*, унаследованным от общендоевропейского. Как показал Рысевич, в тех позициях, в которых происходит изменение *s* в *š* в древнеиндийском, древний палатальный в исходе слова отражается как *-k* (а не как *-l*), что подтверждает тождественность условий, влиявших на развитие *s* и на развитие древних палатальных в индо-арийском⁷.

Для того чтобы проверить правильность гипотезы, связывающей ассимиляцию палатальных в диалектах типа *satəm* с развитием индоевропей-

Gebiete der indogermanischen Sprachen», Bd. 75, Hf. 1/2, 1957, стр. 77 (впервые установлено П. Кречмером: P. Kretschmer, *Mythische Namen*, «Glotta», Bd. XV, Hf. 1—2, Göttingen, 1926, стр. 76).

¹ См. Вяч. Вс. Иванов, [реп. на кн.:] W. Merlingen, *Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen*, ВЯ, 1955, № 6, стр. 125.

² См. E. Evangelisti, *I modi di articolazione indoeuropei nelle palatalizzazioni tocariche*, «Ricerche linguistiche», I, 1950 (см. там же сопоставление с албанскими и древнеперсидскими фактами).

³ Поэтому, например, неправ был Д. Дечев (указ. соч.), когда он приводил двойное отражение палатальных в качестве аргумента, говорящего о близости фракийского и древнеперсидского языков.

⁴ A. Meillet, *Les dialectes indo-européens*, Paris, 1908, гл. XII.

⁵ A. Martinet, *Concerning some Slavic and Aryan reflexes of IES*, «Word», vol. 7, (1951), стр. 91—95; его же, *Economie des changements phonétiques*, Berne, 1955, стр. 237 и сл.

⁶ J. Kurjłowicz, *L'apophonie en indo-européen*, стр. 372—375.

⁷ Z. Ryśiewicz, указ. соч., стр. 290.

ского *s* в тех же диалектах, следует рассмотреть особенности рефлексов индоевропейского *s* в тех диалектах, где палатальные не превратились в спиранты. Поэтому исключительную ценность представляют данные кафирских языков, где палатальные в древнейший период самостоятельной истории этих языков отражались (по Моргенштерне) в виде среднесмычных, тогда как *s* оставалось без изменения в позиции после *и* (в противоположность тому, что наблюдается в других арийских диалектах, а также в славянском); ср., например, вайгали *dās* «вчера», *lās* «солома», *must* «кулак», кати *mūsā* «мышь». Эти факты, во-первых, подтверждают структурную взаимообусловленность изменения *s* и ассимиляции палатальных в языках *satəm*, во-вторых, свидетельствуют о том, что оба эти процесса не были обще-арийскими¹. Это, однако, не исключает возможности существования диалектных связей между данными явлениями в индо-арийских и иранских диалектах, с одной стороны, и сходными процессами в балтийско-славянской языковой области, с другой. Новейшие исследования в области осетинского и других восточноиранских языков, кафирских языков и месопотамского арийского разрушили традиционное представление о строгой замкнутости индо-иранской группы и ее двучленном делении на индийскую и иранскую подгруппы. Арийскую языковую область («арийский простор»; ср. древние названия Хорезма — авестийск. *airyañt vaciθa*, пехлевийск. *Erān-vež*) следует представлять как раздробленную на диалекты обширную территорию, которую частично могли покрывать изоглоссы, распространяющиеся и на другие индоевропейские диалекты². В этом случае нет никакой существенной разницы между тем, как можно понимать отношения между древними диалектами арийской языковой области, и тем, как понимается в современной лингвистике диалектное членение италийско-кельтской языковой области. Характерно, например, что венетский язык, которому посвящен целый ряд новейших исследований, объединяется некоторыми явлениями только с латинским языком (но не с фалийским, особенно близким к латинскому), тогда как другие черты связывают венетский язык не с диалектами италийско-кельтской области, а с другими (в частности — германскими и иллирийскими) диалектами западно-индоевропейской языковой области. Точно так же большинство арийских диалектов обнаруживает изменение палатальных и *s*, отличающее их от наиболее архаичных в этом отношении диалектов арийской же области — кафирских, но в то же время объединяющее их с некоторыми другими диалектами *satəm*, в которых имеет место аналогичное преобразование исходной фонологической системы. С точки зрения пространственной лингвистики Кафиристан можно рассматривать как изолированный ареал, сохраняющий архаичные явления не только по отношению к арийским диалектам, но и по отношению к некоторым другим диалектам *satəm*.

4. В диалектах типа *satəm* противопоставление веларных и палатальных обычно осуществляется во всех позициях. Но в индоевропейской языковой области имеются и такие диалекты, в которых противопоставле-

¹ Поэтому нуждается в уточнении замечание Мартине о времени фонологизации особого варианта *s* в арийском (см. A. Martinet, *Economie des changements phonétiques*, стр. 238). Не учтена специфика соотношения *s* и палатальных в кафирском и в работе Куриловича (J. Curjel, L'apophonie en indo-européen, стр. 373, примеч. 16), где утверждается, что с фонологической точки зрения различие между ведическим и кафирским не существенно.

² Ср. о концепции пространственно-временного континуума диалектов: В. В. Иванов и В. Н. Топоров, К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков (IV Международный съезд славистов. Доклады), М., 1958, стр. 5 и сл.

ние велярных и палатальных нейтрализуется во всех позициях, кроме позиции перед *и*.

Как показывают новейшие исследования, такими диалектами являются анатолийские. После расшифровки хеттских иероглифических текстов в языке этих текстов (очень близком к лувийскому языку) был обнаружен ряд слов, где индоевропейский палатальный в позиции перед *и* отражается как $\check{s}$ ¹, например *siwa-* «лошадь», *siwan-* «собака», *šurna-* «рог»². Последнее слово особенно важно для определения относительной хронологии этого явления, так как в нем *и* не унаследовано от общеиндоевропейского, как в двух первых случаях, а развилось при специфическом для некоторых анатолийских диалектов превращении слогового сонанта $\check{r} > ur$, аналогичном развитию в догреческом, германских и некоторых других индоевропейских языках. В то же время в иероглифических хеттских текстах встречается слово *dakam* «земля», родственное клинописному хеттск. *tekan*, *tagn-*, «тохарск. А» *tham*, «тохарск. Б» *kem*, греч. $\chi\theta\upsilon$ и т. п., где индоевропейский палатальный не ассимилируется³, так как он не находится перед *и*. Точно такое же соотношение обнаруживается и в клинописном хеттском языке, а также и в других анатолийских языках, где индоевропейский палатальный перед *и* развивается в $\check{s}$; ср. клинописное хеттск. *šuna-*, *šunna-* «наполнять(ся)», иероглифическое хеттск. *šuca-*, палайск. *šuna-*, лувийск. *šuca-*, др.-индийск. *śvayati*, греч. $\chi\omega\iota\upsilon$ и т. п.⁴. В других положениях в клинописном хеттском и других анатолийских языках различие между палатальными и велярными нейтрализовалось еще в доисторический период (поэтому долгое время клинописный хеттский язык безоговорочно относили к числу языков centum). Как уже отмечалось выше, ассимиляция палатального (например $\check{k} > \check{s}$ в хеттском) с фонологической точки зрения является второстепенным явлением. Поэтому отражение палатальных в хеттском языке и других анатолийских языках, в которых противопоставление велярной и палатальной фонемы осуществлялось только перед *и*, можно сопоставить с отражением этих фонем в тех диалектах centum (греческом и латинском), где палатальный и непалатальный различаются только в положении перед *и*⁵ (ср. греч. $\iota\pi\omicron\varsigma$: $\chi\alpha\tau\omicron\varsigma$,

¹ О доказательстве правильности чтения соответствующего знака (которое долгое время оспаривалось) см. P. Meriggi, I nuovi frammenti e la storia di Kargamis, «Athenaeum», Nuova serie, vol. 30, fasc. III—IV, Pavia, 1952, стр. 175.

² Относительно последнего слова ср., однако, замечания Х. Кронассера (H. Kronasser, Zum Bildhethitischen, «Archiv orientální», t. 25, 4, 1957, стр. 515, примеч. 10). В целом концепция Х. Кронассера представляется крайне сомнительной (ср. в особенности его предположение о заимствованном характере иероглифического хеттского названия «собаки»).

³ Это явление заставило Фридриха, который исходил из принимавшегося до недавнего времени многими учеными тезиса о принадлежности иероглифического хеттского к языкам satum, усомниться даже в правильности чтения этого слова (см. J. Friedrich, [редакт. на:] «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», «Bibliotheca orientalis», Jg. IX, № 2, 1952). Но позднее он вынужден был признать, что это слово принадлежит к одному из наиболее достоверно известных слов языка хеттских иероглифических надписей (см. J. Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, Lief. 4, Heidelberg, 1954, стр. 336). Ср. H. Kronasser, Zum Bildhethitischen, стр. 514 и 522.

⁴ A. Goetze, [редакт. на кн.:] J. Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, «Language», vol. 30, № 3, 1954, стр. 403—405; V. Pisanì, [редакт. на кн.:] J. Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, «Paideia», anno IX, № 2, 1954, стр. 128; A. Kammenhuber, Beobachtungen zur hethitisch-luvischen Sprachgruppe, «Revue hittite et assyrienne», t. XIV, fasc. 58, 1956, стр. 1—4; H. G. Güterbock and E. P. Hamm, Hittite *švayaya-*, там же, стр. 22—25.

⁵ Из трех объяснений данных фактов, суммированных в статье: W. S. Allen, Some problems of palatalization in Greek, «Lingua», vol. VII, 2, 1958, стр. 131—132, наиболее убедительной представляется точка зрения В. Пизани.

лат. *equus: vapor*). Однако в греческом и латинском языках сочетание палатального и *и* может совпадать с лабиовелярным (двойное $\pi\pi$ в $\epsilon\pi\pi\alpha\varsigma$ остается неясным, так как в микенском греческом *i-go* использован обычный знак для лабиовелярного)¹. Между тем в хеттском языке, где сочетания гуттурального и *и* возможно еще не превратились в лабиовелярные² (в отличие от обычных языков *centum*), сочетание палатального и *и* не совпало с лабиовелярными и развилось в сочетание двух фонем: $\check{s} + u$. Таким образом, эта особенность хеттского и других анатолийских языков может быть объяснена положением этих языков, промежуточным между языками типа латинского, где сочетание палатального и *и*, отличное от сочетания велярного с *и*, отождествлялось с лабиовелярными, и языками типа древнеиндийского, где сочетание палатального с *и* развилось в сочетание двух фонем (др.-индийск. *aśva-*, иероглифич. хеттск. *ašwa-* «лошадь», лат. *equus*).

С языками *satem*, в которых осуществилась ассимиляция палатальных, анатолийские языки сближаются не только в фонологическом, но и в фонетическом характере сочетаний, отражающих группу палатальный + *и* (где в анатолийских языках, как и в древнеперсидском³, палатальная фонема отождествлена с древним **s*). Вместе с тем в анатолийских языках встречаются отдельные слова, где $\check{s}$ развилось из палатального и не в положении перед *и*; ср. хеттск. *šaša*-«заяц»⁴, родственное др.-индийск. *śaśa*-«заяц» (с ассимиляцией из **śaśa*), сакск. *sahe*, пашту *sōe* (*sōya*), др.-в.-нем. *haso*, прусск. *sasins* «заяц». Но эти слова, по-видимому, следует считать заимствованиями из диалекта, где палатальный превратился в спираント не только в положении перед *и*, но и в других позициях (в то же время *šaša* не может быть заимствованием из арийского, так как арийский палатальный в хеттской клинописи передавался через *z*, а не через *s*).

Анатолийские языки можно считать южным продолжением обширной группы индоевропейских диалектов, являющихся переходными между языками *centum* и теми диалектами *satem*, которые осуществили ассимиляцию палатальных. Устанавливая наличие этих переходных диалектов, В. Порциг утверждал, что в диалектах типа *satem* встречаются слова с неосуществившейся ассимиляцией, тогда как в диалектах типа *centum* слова с ассимиляцией палатальных не встречаются⁵. Это последнее утверждение является неправильным, о чем свидетельствуют прежде всего данные греческого языка, содержащего целый ряд заимствований из догреческого

¹ Ср. об этом M. Lejeune, *Essais de philologie mycénienne* (II-Les inventaires de roues), «Revue de philologie de littérature et d'histoire anciennes», série 3, t. XXIX, fasc. II, 1955.

² E. P. Hamp, *Les labio-vélaires en indo-européen et en anatolien*, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 50, fasc. 1, 1954; ср. E. H. Sturtevant, E. A. Hahn, *A comparative grammar of the Hittite language*, vol. I, New Haven, 1951, стр. 38—39 и 55. Ср. замечания Куриловича (относительно форм типа $\epsilon\pi\pi\alpha\varsigma$) о том, что отождествление с лабиовелярным групп гуттуральный + *и* осуществлялось позднее, чем появилась фонологическая категория лабиовелярных (см. J. Kurjłowicz, *L'arophonie en indo-européen*, стр. 358).

³ Об особенностях развития сочетания палатальный + **w* в древнеперсидском ср.: G. Morgenstierne, *Indo-European k' in Kāfiri*, стр. 226, примеч. 3; R. G. Kent, *Old Persian*, New Haven, 1950, стр. 34.

⁴ Ср. о родственных связях этого слова: V. Pisani [ред. на кн.], J. Friedrich, *Hethitisches Wörterbuch*, «Paideia», anno VIII, 1953, № 4—5, стр. 309; anno IX, 1954, № 2, стр. 128; J. Kurjłowicz, *Le hittite*, стр. 296. Ср. о др.-индийск. *śaśa* и родственных названиях «зайца»: W. Porzig, *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets*, Heidelberg, 1954, стр. 197; G. Morgenstierne, *An etymological vocabulary of Pashto*, Oslo, 1927, стр. 68.

⁵ W. Porzig, указ. соч., стр. 72 и сл.

ция и объясняется более древними изменениями вокализма¹). Против попыток сведения трех рядов гуттуральных фонем к двум (а в конечном счете — к одному) в последнее время выдвигаются, однако, возражения двоякого рода. Во-первых, в особенностях палатализации гуттуральных албанского, армянского и тохарского языков некоторые ученые видят свидетельство того, что в этих диалектах сохранялись все три ряда заднеязычных². Однако эта гипотеза, основанная на данных трех индоевропейских языков, характеризуется наименее ясным звуковым развитием, никак еще не может считаться подтвержденной во всех деталях. Вторым аргументом, выдвигаемым против теорий, сводящих три ряда к двум (а затем и к одному), является типологическое сопоставление с неиндоевропейскими языками³. Так, У. С. Аллен в конце своей блестящей статьи об абазинском глагольном комплексе высказывает мнение, согласно которому данные абазинского языка, где имеются палатальные, велярные и увулярные смычные, говорят в пользу традиционной реконструкции трех рядов гуттуральных⁴; данными абазинского языка он склонен подтвердить не только традиционную теорию лабиовелярных, но и гипотезу о существовании в индоевропейском лабиоларингального, высказанную еще Суитом и недавно развитую Мартине. Подобные типологические сопоставления легко можно было бы умножить. Не только в северо-западно-кавказских языках, но и в ряде африканских языков можно найти палатальный, велярный и лабиовелярный ряды фонем, причем лабиовелярным соответствуют лабиоларингальные⁵. Однако для установления древности лабиовелярных, помимо фонологической проблемы возможности существования фонологической системы, различающей три ряда заднеязычных согласных, следовало бы изучить вопрос об относительной устойчивости лабиовелярных, являющийся не только фонологическим, но и фонетическим. Именно эта сторона проблемы, как представляется, может оказаться существенной для доказательства гипотезы о позднем возникновении лабиовелярных в индоевропейском. Если предположить, что лабиовелярные существовали уже в общиндоевропейском языке, из этого бы следовало, что лабиовелярные сохранялись во многих диалектах на протяжении нескольких тысячелетий. Между тем история различных языков свидетельствует о том, что лабиовелярные исторически неустойчивы⁶. Это можно подтвердить как примерами из индоевропейских языков *centum*, где лабиовелярные были постепенно устранены (ср. историю древнегреческого, кельтских, оскско-умбурского, романских языков, развитие $k^w > p$ в анатолийском диалекте письма из Арцавы⁷ и т. п.), так и примерами из неиндоевропейских язы-

¹ J. Kurylowicz, L'apophonie en indo-européen, стр. 356-375. См. там же, на стр. 357, о несостоятельности точки зрения, согласно которой лабиовелярные возникли в более древнюю эпоху.

² См. литературу, приведенную в обзоре В. Пизани (указ. соч., стр. 138).

³ См. В. Пизани, там же, стр. 139.

⁴ W. S. Allen, Structure and system in the Abaza verbal complex, «Transactions of the Philological society. 1956», Hertford, 1956, стр. 172—173. См. описание абазинских смычных в книге: А. Н. Генико, Абазинский язык, М., 1955, стр. 45—46; ср. W. S. Allen, Some problems of palatalization in Greek, стр. 129 и сл.

⁵ См., например, U. Feyer, Ein Beitrag zur Lautlehre des Gû-Dialektes der Ewesprache, «Afrikanistische Studien», Berlin, 1955.

⁶ При анализе фонологического развития древнегреческой звуковой системы это неоднократно подчеркивал Е. Д. Поливанов (см., например, Е. Д. Поливанов, Фонетические конвергенции, ВЯ, 1957, № 3, стр. 80). Но неустойчивость лабиовелярных объясняется не только фонетически, как думал Поливанов, но и фонологически: положением лабиовелярных в системе, содержащей лабиовелярные, велярные и лабиальные.

⁷ Это развитие (ср. *pipit* из $*k^w i k^w i t$ в письме из Арцавы) предполагает монофонематическую трактовку $*k^w$. Однако это не противоречит тому, что группы гут-

ков, например, африканских, где лабиовелярные часто устраняются¹. Если статическая типология позволяет реконструировать особый ряд лабиовелярных фонем, то динамическая типология не позволяет отодвигать время возникновения этого ряда на несколько тысячелетий от того периода, когда были созданы памятники языков, где реально существовали лабиовелярные фонемы².

Рассмотренные выше данные позволяют считать, что древнейшим фонологическим противопоставлением, достижимым с помощью сравнения отдельных диалектов друг с другом, была оппозиция велярных и палатальных фонем (вопрос о внутренней реконструкции одного ряда, расщепившегося на эти два, в настоящей работе не ставился, так как он относится к более древней эпохе истории общиндоевропейского языка). Ассимиляция палатальных фонем и связанное с ней изменение *s* происходили на протяжении истории отдельных диалектов. Сохранение в хеттском и других анатолийских языках различия между велярными и палатальными в положении перед *и*, во-первых, свидетельствует о древности этого различия, во-вторых, подтверждает то, что развитие гуттуральных зависело от судьбы сочетаний гуттуральных фонем и *и*. Это может служить косвенным аргументом в пользу гипотезы о вторичности ряда лабиовелярных.

Таким образом, индоевропейскую языковую область нельзя разделить только на две диалектные группы — группу *satēm* и группу *centum*. Некоторые части этой области (например, Кафиристан) представляют собой изолированные ареалы, сохраняющие архаичное противопоставление палатальных и велярных. Общие нововведения обнаруживаются в двух диалектных группах: в группе диалектов, осуществивших фонологизацию лабиовелярных и устранение различия палатальных и велярных, и в группе диалектов, осуществивших ассимиляцию палатальных, фонологически связанную с изменением *s*. Некоторые диалекты (в том числе анатолийские) занимают промежуточное положение между двумя этими группами. Следовательно, вместо традиционного двучленного деления индоевропейских языков на группу *centum* и группу *satēm* нужно признать существование нескольких типов диалектов с переходными говорами между ними.

туральный + *и* еще могли к тому времени отличаться от **k^w* (из **k* перед гласным переднего ряда, т. е. **k^wi* из **ki* и т. п.).

¹ См. о развитии лабиовелярных в языке тви в книге: D. Westerman, Sprachbeziehungen und Sprachverwandschaft in Afrika, Berlin, 1949, стр. 19, примеч. 24 (ср. о лабиовелярных там же, стр. 11—12).

² Палатальные тоже относятся к исторически неустойчивым фонемам, но в древнейший период письменной истории индоевропейских языков они преобразовались почти во всех диалектах, в отличие от лабиовелярных. Это представляется косвенным аргументом в пользу большей (хотя и относительной) древности палатальных.